

введением в научный оборот новых, ранее неиспользованных материалов японского генерал-губернаторства в Корею вносится весомый вклад в пополнение источниковедческой базы исследований корейской и японской истории 1910–1945 гг.

Список закрытых изданий японского генерал-губернаторства в Корею

1. «Состояние общественного спокойствия в Корею в последнее время» («Сайкин-ни окэру тэсэндзиан дзёкё:»). Сеул, 1939 (секретно).
2. «Вестники идеологии» («Сисо ихо»). 1934, № 12; 1936, № 6; 1937, № 11; 1938, № 14, № 16 (секретно).
3. «Корейская полиция» («Тёсэн кэйсацу»). Сеул, 1938 (секретно).
4. «Словарь тайной полиции» («Кото кэйсацу ёгодзитэн»). Сеул, 1935 (секретно).
5. «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Тёсэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё») Сеул, 1938.
 - а) «Общественные учреждения и мероприятия» (секретно).
 - б) «Движение за возрождение корейской деревни» (секретно).
 - в) «Внешняя торговля Кореи» (секретно).
 - г) «Промышленные ресурсы Кореи» (секретно).
 - д) «Справочник по бюджету генерал-губернаторства» (секретно).
 - е) «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи» (совершенно секретно).
 - ж) «Организация сухопутного транспорта» (секретно).
 - з) «Телеграф, почта, радио» (секретно).
6. «25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзюгонэнси»). Сеул, 1935.
7. «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзюонэнси»). Сеул, 1940.
8. «Обстановка в Корею» («Тёсэн дзидзё»). Сеул, 1941.
9. «Беспорядки в Корею» («Тёсэн содзё дзикё»). Сеул, 1930.
10. «Исследование поселков в Корею» («Тёсэн буракутё тёсахококу»). Сеул, 1924, ч. 1.
11. «Город Сеул» («Кэйдзё фусэй иппан»). Сеул, 1942 г. (секретно).
12. «Ежегодник национального движения в Корею» («Тёсэн миндзоку ундо нэнкан»). Сеул, 1932, (секретно).
13. «Приложение к законам и указам в Корею» («Тёсэн дзикёку канкэй хоки цуйроку»). Сеул, 1941, т. 8 – «Законы и указы в Корею на 1 июля 1941 г.» («Тёсэн Гёсэй гаккай хакко»).

Мотоно Итиро (1862–1918) – яркий представитель политики здорового смысла

Э. А. Барышев

Говоря о русско-японских отношениях в предреволюционный период невозможно обойти молчанием имя Мотоно Итиро, с января 1906 г. по октябрь 1916 г. представлявшего интересы Японии в России сначала в качестве посланника, а затем – посла. Под всеми важнейшими соглашениями, подписанными в эти годы между правительствами двух стран, можно увидеть его подпись. Имя Мотоно, по отношению к которому тогдашняя периодическая печать употребляла такие эпитеты как «русофил» и «последовательный сторонник русско-японского сближения», было известно в то время каждому образованному человеку не только в России и Японии, но и во многих других странах мира. В прессе начала XX в. о Мотоно говорилось как об одном из главных «виновников» двустороннего сближения¹.

Так ли это было на самом деле? Что это был за человек, о личности которого вообще и его дипломатической деятельности как на посту японского посла, так и на посту министра иностранных дел (он занимал его с ноября 1916 г. по апрель 1918 г.) очень мало говорится не только в отечественной, но и в японской историографии². Какую роль в действительности сыграл этот человек в русско-японском сближении? Какие мотивы и соображения двигали этой незаурядной личностью? Каким политическим капиталом обладал этот дипломат? Обнаруживаются ли во внешнеполитических взглядах Мотоно «русофильские» нотки? В данной статье автор хотел бы рассмотреть процесс становления Мотоно Итиро как личности и дипломата, остановившись подробнее на его дипломатической деятельности, непосредственно предшествовавшей русско-японскому сближению в указанный выше период времени.

¹ Например, см.: Нитиро домэй-рон: Мосукофусукиэ вэдомосу-си сэсэцу (Дискуссия о русско-японском союзе: Передовица газеты «Московские ведомости»). – Гайко дзихо («Дипломатический вестник»). 01.12. 1914 г., № 242, с. 83; Нитиро но татэякуса: Рококу гайму дайджин Сазонофу-си, тюрю нихон тайси Мотоно Итиро (Достопочтимые личности Японии и России: российский министр иностранных дел Сазонов и японский посол в России Мотоно Итиро). – Нитиро дзицугё симпо (Вестник японско-российского предпринимательства). 1916, июль, с. 48–50; Виконт Мотоно. – Приамурские ведомости, 09.08.1916, № 2461.

² Пожалуй, единственным серьезным сочинением о Мотоно является написанная его внуком Мориюки (родился в 1924 г.) история японской дипломатии, рассмотренная через призму дипломатической деятельности четырех поколений рода Мотоно, опубликованная на страницах японского ежемесячника «Гайко форуму» («Дипломатический форум») в 1993–1995 гг. под названием «Нихон гайко сики» («Частные записки о японской дипломатии»).

На пути к дипломатии: молодые годы Мотоно Итиро

Мотоно Итиро, выдающийся японский дипломат конца XIX – начала XX в., родился в местечке Кубота-Токуман провинции Хидзэн (сейчас преф. Сага) в 1862 г. Он был первым сыном в семье ученого-голландоведа (*рангакуся*) и чиновника Мотоно Моримити (1836–1909), одного из способнейших представителей японского общества того времени. Не будет преувеличением сказать, что именно отец и проторил для Мотоно путь в большую политику.

В период ослабления политической системы сёгуната Токугава Моримити, как и многие другие «дальнозоркие» люди южнояпонских провинций, начал изучение «западной науки» и европейских языков – сначала голландского, а потом – английского. В 1858–1860 гг. Моримити обучался в школе известного голландоведа и врача Огата Коан (1810–1863) в Осака, где познакомился со ставшим широко известным впоследствии просветителем Фукудзава Юкити (1835–1901). Затем в 1862–1865 гг. он стал учеником в школе английского языка в Нагасаки, в которой преподавал американский протестантский проповедник Гуидо Фербек (1830–1898). Здесь, в Нагасаки, служившим тогда для Японии «окном в большой мир», Моримити близко сошелся с Окума Сигэнобу (1838–1922), который был родом из той же провинции Хидзэн и стал впоследствии его надежным другом и покровителем. Реставрация Мэйдзи открыла для Моримити путь «во власть»: в апреле 1868 г. он стал чиновником в управлении префектуры Канагава, находившейся тогда на «передовой линии» отношений Японии со всем остальным миром и контролировавшей почти все внешнеторговые потоки.

В Иокогаме в 1870 г. Моримити основал вместе со своими друзьями по Нагасаки Коясу Такаси (1836–1898) и Сибата Масакити (1841–1901) первую в Японии печатную типографию «Ниссюся», положив тем самым начало самой влиятельной в настоящее время в Японии ежедневной газеты «Иомиури». Впрочем, сам Моримити должен был на некоторое время отойти от издательских дел: в октябре 1872 г. он отправился в Лондон в качестве первого секретаря японской миссии. Вместе с ним направился в Европу и его сын Итиро, которому было тогда 11 лет. Однако младшего Мотоно ждала не Англия, а Франция: ему предстояло учиться в одной из парижских школ. Это было время, когда Япония, приступившая к решительному слоому старой средневековой системы, во всем училась у Запада, перенимая новые знания и порядки³.

Пожалуй, этому знакомству с Францией и французским языком Мотоно и был обязан своим последующим стремительным взлетом в качестве

дипломата. 14 лет своей не очень продолжительной жизни Мотоно провел именно во Франции. Три года учебы во французской школе также сыграли большую роль в его судьбе, во многом сформировав его характер и взгляды на жизнь. В 1876 г. его отец оставил свой пост в Лондоне и они вернулись на родину, после чего старший Мотоно перешел на службу в министерство финансов, заняв должность начальника Иокогамского таможенного управления, а младший поступил в Токийскую школу иностранных языков (нынешний Токийский университет иностранных языков), которую благополучно закончил спустя три года. Затем Мотоно-младший некоторое время изучал «китайские науки» (*кангаку*) в школе основателя религиозной секты «Синто тайсэйкё» Хираяма Сэйсай (1815–1890).

Первым местом работы Мотоно Итиро – с лета 1880 г. – стала компания «Бозэки сёкай» («Внешнеторговое общество»), созданная в то время в Иокогаме при непосредственном участии тогдашнего министра финансов Окума, основателя корпорации «Мицубиси» Ивасаки Ятаро (1835–1885) и уже упомянутого выше Фукудзава с целью «потеснить иностранцев из сферы внешнеторговых сделок на японском рынке» путем прямого выхода на иностранные рынки. Предполагалось, что «Внешнеторговое общество» сможет выполнить поставленные перед ним задачи, опираясь на созданный почти одновременно с ним «Иокогама Спешл Банк». Это была крайне смелая для того времени экономическая инициатива, движимая здоровым чувством национализма и патриотизма. Для большинства представителей «Внешнеторгового общества» движение за независимость и самостоятельность Японии в мировых делах стало основой их жизненной философии. Исполнительным директором и управляющим компании был назначен некто Асабуки Эйдзи (1849–1918), ближайшее доверенное лицо и зять Фукудзава⁴. В начале XX в. именно Асабуки, с которым Мотоно сохранял на протяжении всей своей жизни самые теплые отношения, стал одним из главных людей в «империи Мицуи».

В мае 1882 г. по совету своего начальника Асабуки Мотоно был отправлен по торговым делам в Европу. После непродолжительного пребывания в Англии весной 1883 г. руководство компании решило направить своего представителя в крупнейший промышленный центр Франции Лион, где Мотоно должен был осваивать коммерцию в одной из местных компаний. Однако дела «Внешнеторгового общества» шли

⁴ О мотивах создания «Внешнеторгового общества» и его дальнейшей судьбе см.: Асабуки Эйдзи дэн (Биография Асабуки Эйдзи). Токио, 1928, с. 80–108. Любопытно, что представительства «Внешнеторгового общества» были созданы помимо Лиона в Лондоне, Нью-Йорке и Владивостоке. В 1887 г. филиал компании во Владивостоке перешел в руки ее бывшего представителя Сугиура Хисаси, основавшего на его месте «Торговый дом Сугиура» («Сугиура-сётэн»).

³ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики (Частные записки о японской дипломатии) (2–9). – Гайко форуму (Дипломатический форум), май 1993 г. – январь 1994 г. Краткое описание жизненного пути Мотоно Моримити см.: Мотоно Моримити-си но эймин (На смерть Мотоно Моримити). – Иомиури симбун. 11.12.1909, с. 3.

незавидно: на министра финансов Окума посыпались яростные нападки со стороны влиятельных представителей кланов Сацума и Тёсю, в результате чего тот вынужден был в октябре 1881 г. надолго отойти от политических дел. Это нанесло сокрушительный удар по только что учрежденному «Внешнеторговому обществу» и на время закрыло путь для Мотоно в высшие политические круги. В этих условиях будущий министр иностранных дел решил избрать для себя иной путь: продолжая числиться в рядах сотрудников компании, в ноябре 1884 г. Мотоно поступает в престижный и поныне Лионский юридический институт. В 1887 г. он получил там степень бакалавра, а еще через два года стал доктором юридических наук. В октябре 1889 г. он снова – уже в возрасте 27 лет – вернулся в Японию⁵. К этому времени Окума, занимавший с февраля 1888 г. по декабрь 1889 г. пост министра иностранных дел, сумел восстановить часть своего бывшего политического влияния.

Знания, которые Мотоно приобрел во время своей длительной и усердной учебы, оказались востребованными. Япония только начинала свой путь в качестве конституционного и парламентского государства и нуждалась в специалистах в области права. С момента возвращения в страну Мотоно энергично включается в научно-политическую жизнь Японии: он становится одним из активнейших членов общества молодых исследователей права, объединившихся вокруг французского правоведа Густава Эмиля Буассонада (1825–1910), служившего с 1873 г. по 1895 г. советником при японском правительстве по юридическим вопросам. Уже в 1890 г. Мотоно выпустил сразу несколько работ по теории и практике права.

Успехи молодого правоведа были замечены. В мае 1890 г. Мотоно по рекомендации старого приятеля его отца графа Окума поступил на службу в МИД Японии в качестве «помощника переводчика». Любопытно, что из всех, поступивших на дипломатическую службу в те годы, Мотоно был единственным, кто имел на руках диплом не японского, а зарубежного высшего учебного заведения. На эту должность никто кроме него не был принят⁶. В мае 1893 г. Мотоно получил японскую степень доктора юридических наук и был назначен членом Комитета по изучению законодательства (*хотэн тёсакай сатэй иин*). Еще через некоторое время он занял пост советника политического отдела при министерстве иностранных дел и стал во главе комитета. Мотоно и

ему подобные были первыми японскими правоведами в современном смысле этого слова, которые шли на смену именитых «учителей-иностранцев», во множестве принятых на службу с началом реформ Мэйдзи.

В мае 1893 г. почти одновременно с получением японской докторской степени Мотоно вступил в брак с дочерью влиятельного политика и представителя клана Тёсю Номура Ясуси (1842–1909), с которым его отец был близко знаком еще со времени своей службы в Иокогаме. На праздничном свадебном банкете присутствовали самые высокие персоны Японии, включая главу тогдашнего кабинета министров Ито Хиробуми (1841–1909), представителей родовой аристократии, депутатов обеих палат парламента и даже иностранных посланников из России, Франции и Китая с их супругами. Этот брак, несомненно, также способствовал повышению социального статуса молодого дипломата⁷.

Становление дипломата: деятельность Мотоно во время японо-китайской войны

Вступление в силу в 1890 г. конституции рассматривалось многими как завершение строительства фундамента нового государства, и Япония начала все громче заявлять о своем желании покончить с таможенной несамостоятельностью и правом экстерриториальности, которым пользовались ведущие западные державы. Примечательно, что она собиралась добиться пересмотра отношений со странами Запада не путем прямых переговоров с ее «обидчиками», а путем колониальных захватов, стремясь утвердиться в качестве «полноправного империалистического хищника» в Восточной Азии. Проблемы, с которыми столкнулась Япония, лежали в международно-правовой плоскости, и здесь были необходимы знания таких людей, как Мотоно⁸. Японо-китайская война 1894–1895 гг. предоставила молодому дипломату прекрасную возможность проявить свои способности.

2 июня 1894 г. японское правительство, обеспокоенное обращением корейских властей к китайскому правительству с просьбой о посылке экспедиционных войск для подавления народного восстания «Тонхак», приняло правительственную резолюцию об отправке своих войск в Корею с целью «защиты местного японского населения». 5 июня 1894 г.

⁵ Архив внешней политики Японии (далее – АВПЯ). 6. 1. 5. 3. Сёкуин нараби рирэки ни кансуру какутё офукусё (Переписка различных ведомств в отношении сотрудников и их биографических данных). Т. 3; Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 11, 12. – Гайко форуму (Дипломатический форум), март–апрель 1994; Иомиури симбун. 27.12. 1885; 24.12. 1886; 29.12. 1886; 14.09.1887; 14.07. 1888; 05.10. 1889.; Виконт Мотоно. – Приамурские ведомости. 09.08. 1916, № 2461.

⁶ См.: АВПЯ. 6. 1. 5. 3. Сёкуин нараби рирэки ни кансуру какутё офукусё (Переписка различных ведомств в отношении сотрудников и их биографических данных), т. 3.

⁷ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 11, 12. – Гайко форуму (Дипломатический форум), март–апрель 1994 г.; Мотоно хакуси но эньюкай (Праздничный банкет доктора Мотоно). – Иомиури симбун. 29.05.1893, с. 2. После завершения своей учебы во Франции Мотоно собирался было связать свои узы с француженкой, но родители были против, и молодые вынуждены были расстаться. Брак с дочерью Номура Ясуси Хисако, которая только что рассталась с известным аристократом Мадэнокодзи, выглядел браком по расчету.

⁸ Мотоно Итиро. Дзёяку кайсэй то хотэн дзисси (Пересмотр договоров и исполнение норм закона). – Иомиури симбун. 26.05.1892, с. 2.

советник Мотоно вместе с японским посланником в Сеуле Отори Кэй-сукэ (1833–1911) в окружении военных и особой посольской охраны отправился на крейсере «Яэсуяма» на материк. Фактически на Мотоно была возложена подготовка международно-правового обоснования и дипломатического «сопровождения» предстоящего военного конфликта. Проще говоря, ему нужно было найти подходящее и достаточное основание для объявления войны «отсталому» Китаю.

10 июня японская дипломатическая миссия, сопровождаемая несколькими ротами морского десанта, вошла в Сеул. Разобравшись в ситуации и не увидев причины для размещения дополнительных японских войск в Корее, посланник Отори попытался ослабить возрастающую напряженность в японо-корейских и японо-китайских отношениях и даже пообещал китайской стороне вывести войска из столицы после успокоения народного восстания. В результате его переговоров с китайским посланником Юань Шикаем (1859–1916) 15 июля была достигнута предварительная устная договоренность в отношении численности японских и китайских войск в Корее. В этой обстановке сторонники военного столкновения с Китаем, объединившись, заставили посланника Отори отказаться от курса на мирное урегулирование корейского вопроса. Сказал свое веское слово в пользу конфликта и советник Мотоно. 17 июня японские военные и дипломатические представители в Сеуле взяли курс на эскалацию конфликта.

В телеграмме посланника Отори министру иностранных дел от 17 июня говорилось следующее: «В этих условиях, не начиная эвакуации своих соединений, следует обратиться к корейскому правительству и китайскому посланнику с требованием вывода китайских войск. Если китайский представитель отвергнет наши требования, японская сторона под предлогом того, что этот отказ свидетельствует о неизменности курса Цинского Китая на сохранение монархии в Корее, отрицает тем самым идею независимости Корейского государства и, как следствие, нарушает наши права в этой стране, должна силой принудить Китай вывести свои войска из Кореи» (здесь и далее курсив автора. — Э. Б.). В стиле этого документа легко обнаруживается рука юриста, хорошо изучившего европейскую юридическую казуистику⁹.

Японское военное присутствие в Корее и наличие многочисленных сторонников активных действий сделало свое дело: позиция японских представителей в Сеуле быстро эволюционировала и стала даже более агрессивной, чем позиция правительства. Находившиеся в Сеуле военные и дипломаты объединенными силами решили воздействовать на правительство, чтобы склонить последнее к более решительным дей-

ствиям. В то время, как центральное правительство пыталось воздействовать на Сеул требованиями внутренних реформ, японские представители в Сеуле решили ребром поставить вопрос о вассальной зависимости Кореи от Китая. Их позиция была сформулирована следующим образом: «Если японо-китайское столкновение в этой ситуации неизбежно, Японии было бы выгодно начать военные действия как можно раньше. Единственным подходящим предлогом к началу войны является вопрос самостоятельности Кореи, имеющий открытый, справедливый характер, и которого вполне достаточно для того, чтобы продемонстрировать остальным державам нашу добрую волю. Хотя Цинская империя огромна по своим размерам и внешне располагает современными армией и флотом, на самом деле она крайне слаба и ее не стоит опасаться».

3 июля советник Мотоно и подполковник Генерального штаба Фукусима Ясумаса (1852–1919) отправились в Токио для разъяснения данной позиции вышестоящему начальству. Утром 9 июля они прибыли в Токио, а 13 числа, добившись понимания дипломатического и военного ведомств, вновь отправились в Корею. Министр иностранных дел Муцу Мунэмицу (1844–1897) предоставил своим дипломатическим представителям в Сеуле полный карт-бланш в создании предлога для военного вмешательства¹⁰. 20 июля посланник Отори вручил корейскому правительству ультимативную ноту, содержащую заведомо невыполнимые требования по расторжению «неравноправных» договоров с Цинским Китаем, а 23 числа 21-й пехотный полк вступил в Сеул, занял императорский дворец Кёнбоккун и низложил существующее правительство. Это был прямой путь к японо-китайской войне, начавшейся 25 июля 1894 г.

Во время японо-китайской войны Мотоно проявил себя как решительный дипломат, ревниво и настойчиво отстаивающий национальные интересы страны. Он оставил Сеул только в середине сентября 1894 г. после взятия японскими войсками Пхеньяна, где были сосредоточены основные силы противника. После этого Мотоно неоднократно выезжал по делам призового суда в Сасэбо и, по-видимому, помогал американскому дипломатическому советнику Генри Денисону (1846–1914) в подготовке проекта японо-китайского мирного договора, предполагавшего отторжение от Китая Ляодунского полуострова и заключенного в апреле 1895 г. в Симоноэски. В марте 1895 г. профессор Буассонад, получив орден Восходящего Солнца первой степени, возвратился во Францию, и молодой доктор права Мотоно сменил Буассонада на его посту в качестве советника правительства по юридическим вопросам. Летом того же года, когда обострилась болезнь министра иностранных дел Муцу, Мотоно был своего рода связующим звеном между министром и его заместителем Сайондзи Киммоти (1849–1940). Осенью этого же года

⁹ Табохаси Киёси. Киндай ниссэн канкэй но кэнкю (Исследование японо-корейских отношений в новое время). Токио, т. 2.: Бунка-сирё-тёсакай (Общество изучения материалов по истории культуры), 1964, с. 298–304, 309.

¹⁰ Там же, с. 365–367, 416–421, 424–449.

Мотоно стал начальником политического отдела министерства, а затем был назначен секретарем министра иностранных дел и советником по дипломатическим вопросам. В следующем, 1896 г. ему был пожалован пост начальника секретариата управления министра иностранных дел¹¹.

Несомненно, японо-китайская война преподнесла Мотоно немало жизненных уроков, сформировав его внешнеполитические взгляды и подходы к решению международных проблем, стоявших перед Японией. Один из таких уроков, преподнесенный неожиданным для японской стороны «тройственным вмешательством» в конфликт России, Германии и Франции, состоял в осознании необходимости уделять во время войны большее внимание «обработке» общественного мнения иностранных держав путем использования прессы. Впоследствии Мотоно неоднократно проявлял себя как сторонник активного внешнеполитического курса, опирающегося на военную силу.

Начало активной дипломатической деятельности: формирование круга Мотоно

Первым местом службы Мотоно в качестве дипломата стала Россия. В сентябре 1896 г. он был назначен первым секретарем японской миссии в Санкт-Петербурге. Мотоно временно возглавил дипломатическую миссию, сменив на этом посту видного специалиста по России Ниси Токудзиро (1847–1912), назначенного министром иностранных дел. Одной из причин этого назначения было то, что к тому времени Мотоно являлся неплохим специалистом по «корейскому вопросу», составлявшему тогда основное содержание российско-японских отношений. Между тем, с 1896 г. Россия оказалась втянутой в «маньчжурскую авантюру», и Япония получила шанс укрепить свое влияние в Корее. Мотоно исправно доносил о всех российских инициативах, связанных с делами Русско-китайского банка и строительством КВЖД. Фактически, он оказался первым из японцев, кто столкнулся с необходимостью глубокого изучения политики России в Маньчжурии. Хотя в мае 1897 г. во главе японской миссии встал влиятельный дипломат Хаяси Тадасу (1850–1913), состоявший в родственных отношениях с главой компании «Мицубиси» Ивасаки, Мотоно, по-видимому, также внес немалый вклад в подготовку условий для заключения российско-японского соглашения о разграничении влияния в Корее, подписанного в Токио в апреле 1898 г. министром Ниси и российским посланником Розеном¹².

¹¹ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики, ч. 12. – Гайко форуму (Дипломатический форум), апрель 1994, с. 92.

¹² См.: Синкоку нийти ни ойту фусэцу субэки тэцудо мэнкэдзэ о росин гинко ни кафуси-мэру но кэн (О предоставлении Русско-китайскому банку лицензии на строительство железной дороги на территории Цинской империи). – Мицудай никки (Секретные записки). 1896,

Предполагается, что именно в Петербурге у Мотоно завязываются тесные связи с одним из влиятельнейших финансистов Франции того времени Альбером Каном (1860–1940). Еврейский банкир и патрон различных «прогрессивных» обществ, Кан сделал свое состояние, выведя в 1880-е годы на европейский рынок ценных бумаг акции компании «Де Бирс», главными держателями которых являлись французские и английские Ротшильды. В результате выгодной сделки, уже в 1884 г. он получает 50% капитала Банка Гудшо, а в 1892 г. становится его полноправным владельцем. В своей финансовой деятельности Кан не мог обойти вниманием и Россию. Оформление русско-французского союза в начале 1894 г. открыло путь французскому капиталу на российский рынок. Маньчжурская политика России требовала огромных затрат, и французские капиталисты поспешили в Петербург, чтобы воспользоваться этой прекрасной возможностью расширить свое экономическое и политическое влияние. Известно, что уже в 1896–1897 гг. Банк Гудшо вместе с Санкт-Петербургским международным коммерческим банком вкладывал свои капиталы в разработку золотых приисков в Нерчинском округе, и Кан неоднократно посещал российскую столицу. По-видимому, в начале 1897 г. Мотоно устанавливает контакт с Каном и докладывает о «предприимчивом французе» министру иностранных дел Окума¹³.

По утверждению авторитетного французского биографического словаря, Кан не только являлся экономическим советником японского императорского дома, но и финансировал «победоносные войны» «прогрессивной» Японии против «отсталых» Китая и России, поддерживая тем самым индустриализацию Японии. Документы свидетельствуют, что уже с 1897 г. Кан участвовал в переговорах с японским правительством и, в частности, с графом Окума об организации займа во Франции и посещал при этом «страну Восходящего Солнца». В результате этого визита у него установились отношения с представителями «Мицубиси Буссан» (Масуда Такаси, 1848–1938) и руководством банка «Дайити», возглавляемом тогда влиятельнейшим японским промышленником Сибусава Эйити (1840–1931). Кан проявлял большой интерес к колонизационной деятельности японских компаний на Тайване и в Корее и с 1899 г. даже тайно вошел в число соучредителей указанного банка. Таким образом, уже на данном этапе, несмотря на существование военно-политического союза между Францией и Россией, французский капитал поддерживал связи с будущим противником России.

июль – декабрь, т. 2. Военное министерство Японии. Азиатский центр документации. Микрофильм, с. 955, 955–2.

¹³ Albert Kahn, 1860–1940: Réalités D'une Utopia, Boulogne: Musée Albert Kahn, 1995, p. 30, 62, 107-124; Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 17. – Гайко форуму (Дипломатический форум), сентябрь 1994 г., с. 89–90; Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX в.: европейские и русские связи. М., 2003, с. 382.

Несомненно, финансовая деятельность Кана способствовала усилению японского влияния на Корейском полуострове. Роль важнейшего связующего звена между французским капиталом и руководством Японии играл молодой дипломат Мотоно Итиро¹⁴.

Служба Мотоно в России была недолгой: уже в октябре 1898 г. благодаря тому же Окума, совмещавшему тогда посты премьера-министра и министра-иностраннх дел, он был назначен первым полномочным посланником в Бельгии. Таким образом, через Санкт-Петербург Мотоно снова «возвратился» в Европу, где провел свои юношеские и молодые годы.

Как и в настоящее время, Брюссель являлся важным центром европейской политической и экономической жизни, в котором сходились и пересекались международно-политические интересы многих европейских стран и различных финансовых кругов. Международная политика Брюсселя шла в ногу с политикой Лондона: с конца XIX в. именно Бельгия и возглавляемая Сесилем Родсом (1853–1902) «Де Бирс» задавали направление колониальной экспансии на африканском континенте. Умело используя необходимость Бельгии, относительно слабой среди европейских держав, в международной поддержке, Япония укрепляла свой вес в мировой политике, открывая себе путь к новым территориальным захватам. Период пребывания Мотоно в Брюсселе совпал со временем англо-бурской войны, перелистнувшей новую страницу в истории мирового империализма.

Весной-летом 1899 г. Мотоно в качестве полномочного представителя Японии принял участие в своей первой международной конференции: это была Гагская мирная конференция, устроенная по инициативе русского императора Николая II с целью разработки многосторонних соглашений в области законов и обычаев ведения войны. Конференция в Гааге стала первым международным форумом, на которой был поставлен вопрос об ограничении вооружений. Впрочем, в условиях, когда ведущие европейские державы отнеслись к ней без особого энтузиазма, Япония также смотрела на это собрание лишь как на возможность прощупать настроения сторон и попытаться извлечь для себя политические выгоды. Японские военные, пребывавшие в разных точках Российской империи, продолжали собирать сведения о степени боеготовности российской армии и слабых местах ее обороны, а Мотоно и его коллеги по дипломатическому ведомству начали работать на обеспечение международно-политического тыла Японии.

По-видимому, именно во время пребывания в Брюсселе у Мотоно появились широкие знакомства в кругу «европейской передовой общественности». Он сходится с представителями различных «неправительственных организаций» и многочисленными «гуманистами», ведущими пропаганду «мира во всем мире». В число его знакомых вошли австрийская писательница и пацифистка, первая женщина лауреат Нобелевской премии за вклад в дело мира в 1905 г. Берта фон Зуттнер (1843–1914), немецкий химик, нобелевский лауреат 1909 г. Вильгельм Фридрих Оствальд (1853–1932), французский архитектор Ле Корбюзье (1887–1965) и многие другие, активно участвовавшие в пацифистском движении, пропагандировавшие эсперанто в качестве универсального способа международного общения и стремившиеся утвердить «международный стиль» в жизни человечества. Ясно, что за деятельностью этих организаций и обществ стояли не только высокие идеи, но и большие капиталы и все нарастающее политическое влияние. Многие из них принимали активное участие в деятельности основанного еще в 1891 г. в Берне «Бюро постоянного международного мира», ставшего вместе с Межпарламентским союзом прообразом будущей Лиги Наций¹⁵.

Способствовал расширению контактов Мотоно и его покровитель Альбер Кан, сумевший приобрести к тому времени немалое общественно-политическое влияние в европейских кругах. Еще в 1893 г. Кан приобретает в предместье Парижа роскошное поместье Булонь-Биланкур, где создает уникальный садово-парковый ансамбль. С конца XIX в. это место становится местом встреч «прогрессивной европейской интеллигенции». Частыми посетителями виллы Кана были не только люди искусства и науки, но и такие политические фигуры, как будущий президент Франции Раймон Пуанкаре (1860–1934), ставший с начала XX в. во главе новой буржуазной центристской партии «Демократический республиканский союз». Поддерживал банкир, как говорили современники, и связи с представителями Социалистической партии Франции Альбером Тома (1878–1932) и Рене Вивиани (1862–1925)¹⁶.

В августе 1901 г. Мотоно приказано было вернуться «на отдых» в Японию, а в ноябре стало известно, что он назначен посланником во Францию вместо Курино Синьитиро (1851–1937). После четырехмесячного пребывания на родине в марте 1902 г. Мотоно вместе с семьей отправился во Францию. Здесь необходимо напомнить о том, что в январе 1902 г. произошло важное международно-политическое событие: между Японией и Великобританией был заключен союзный договор, подписанный с японской стороны уже упомянутым выше Хаяси, за что

¹⁴ Albert Kahn. 1860–1940. Réalités d'une utopia, Boulogne: Musée Albert Kahn, 1995, p. 64, 124; Albert Kahn et le Japon. Confluences, Paris: Presses Aristiques, 1990, p. 3, 14–15; Dictionnaire de Biographie Française, Paris, 1994, т. 18, p. 1070–1071; Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 17. – Гайко форуму (Дипломатический форум), сентябрь 1994 г., с. 90; Окума Сигэнобу. Хатидзюго нэнси (85-летняя история жизни Окума Сигэнобу). Токио, 1926, т. 2, с. 526.

¹⁵ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 14. – Гайко форуму (Дипломатический форум), июнь 1994 г., с. 90–91.

¹⁶ Dictionnaire de Biographie Française. Paris, 1994, т. 18, p. 1070–1071; Albert Kahn, 1860–1940, p. 127.

последнему был пожалован титул виконта. Иными словами, отправка Мотоно во Францию была осуществлена в условиях, когда Япония уже взяла курс на подготовку к войне с Россией. Несомненно, что Мотоно получил при назначении соответствующие инструкции, и был прекрасно осведомлен о приготовлениях военных. По крайней мере, известно, что Мотоно, находившийся в фарватере японской дипломатии и прекрасно осведомленный о положении дел в России и Европе, стоял на позициях военного конфликта с «северной империей»: разведывательные данные и другая информация, имевшаяся в его распоряжении, говорили в пользу военного успеха Японии. По-видимому, изучение обстановки в России и ослабление русско-французского союза были в числе главных задач, поставленных перед новым японским посланником. Париж был удобным местом для «отслеживания» внутривнутриполитической ситуации в России и оценки настроений в европейских политических и экономических кругах¹⁷.

Деятельность Мотоно во время русско-японской войны

После заключения англо-японского военно-политического союза путь к русско-японской войне был фактически открыт. Мотоно и другие дипломаты должны были работать в направлении сближения с европейскими державами с целью международной изоляции России: для этого нужны были контакты с местной публикой, формирующей общественное мнение страны, и влиятельными финансовыми кругами. Миссия Мотоно заключалась, прежде всего, в том, чтобы ослабить узы русско-французского союза и обеспечить поддержку «международного сообщества» в условиях русско-японского военного противостояния.

Во время русско-японской войны посланник Мотоно, используя свои обширные связи и богатые навыки дипломата, внес значительный вклад в сбор стратегически ценной информации о противнике. В частности, он направил на имя министра иностранных дел несколько основанных на отчетах «доверенных лиц» докладов, посвященных внутренней ситуации в России. Так, в своей корреспонденции от 22 января 1904 г., еще за две недели до начала войны, Мотоно сообщал министру иностранных дел Комура Дзютаро (1855–1911) конфиденциальное мнение редактора журнала «La Revue», осевшего во Франции польского еврея Жана Финкельгаузена (1858–1922), о слабых сторонах России. По мысли последнего, Россия может справиться с финансовыми и экономическими проблемами за счет ограничения «аппетитов» правящего класса и сокращением расходов бюджета; *главная же и единственная опасность для государственного строя России исходит от революци-*

*онных элементов, которые, однако, ничего не смогут сделать, если не получат соответствующей финансовой помощи из-за рубежа*¹⁸. Так уже до начала русско-японской войны начала вырисовываться одна из генеральных линий японской стратегии против России.

Разумеется, японское высшее руководство особенно интересовало деятельность Китайской Восточной железной дороги, от работы которой во многом зависел исход баталии, поэтому Мотоно поспешил отправить в Россию своего французского агента для сбора сведений о КВЖД и Русско-Китайском банке. Начиная с лета 1904 г. этот француз дважды посетил Россию, объехав Петербург, Москву, Варшаву, Нижний Новгород и даже Харбин, имея продолжительные беседы с такими влиятельными политическими фигурами, как министр финансов Витте, министр внутренних дел Плеве, французский посол в Петербурге Морис Луи Бомпар (1857–1935) и др.¹⁹ Кроме того, еще один агент – польский инженер был отправлен в Россию для изучения общего внутреннего положения. Как показывает анкета, которую составил Мотоно для своего агента, японскую сторону интересовали прежде всего следующие вопросы: 1) отношение верхов российского общества к войне и, в частности, к вопросу о путях ее прекращения; 2) влияние войны на народное хозяйство России и ситуация в области финансов; 3) размах революционного движения в стране (прежде всего в Польше и Финляндии, а также среди рабочих и студентов). В конце июля – начале августа 1904 г. Мотоно переслал своему начальнику Комура более подробные отчеты своих агентов и чертежи железной дороги, которые раздобыл по его просьбе вернувшийся из Рима «толковый польский священник»²⁰.

Полученные Мотоно агентурные сведения свидетельствовали о том, что в целом верхи российского общества были полны решимости сражаться до победного конца, будучи уверенными в том, что Япония не сможет вести длительную войну, однако при дворе с опасением взирали на рост революционного движения и усиление леворадикального террора. Французский агент Мотоно, подчеркивая, что силы, определяющие положение дел, находятся не в Маньчжурии, а в Санкт-Петербурге, советовал использовать их страхи перед революцией для склонения России к миру²¹. Похоже, что Мотоно взял этот совет себе на заметку: под-

¹⁸ № 1091. 22 января 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы). Токио, 1958, т. 37, кн. 2, с. 516. – далее НГБ.

¹⁹ № 1165. 26 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. НГБ. Т. 37, кн. 2, с. 611–613. Хотя в документах нет имени указанного французского агента, однако, по всей видимости, это была достаточно известная в те времена фигура, связанная каким-то образом с правлением Русско-китайского банка в Париже.

²⁰ № 1165. 26 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ. Т. 37, кн. 2, с. 601–603.

²¹ № 1165. 26 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ. Т. 37, кн. 2, с. 627.

¹⁷ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сити. Ч. 14. – Гайко форуму (Дипломатический форум), июнь 1994 г., с. 92–93; Окума-хаку но нитиро-дан (Мнение графа Окумы о русско-японских отношениях). – Йомиури симбун. 08.04.1901, с. 2.

держка революции в России стала одним из важнейших направлений его деятельности.

Хорошо известно, что весной 1905 г. японское военное командование в лице начальника Генерального штаба маршала Ямагата Аритомо (1838–1922) выделило крупную сумму в размере 1 млн иен (около 50 млрд. иен, или более 40 млн. долл. по современному курсу) на подрывную деятельность в России. Выполнением задания занимался полковник Акаси Мотодзиро (1864–1919), бывший военный агент при японской миссии в Санкт-Петербурге. С началом войны штат миссии переместился в Европу, откуда наблюдал за развитием ситуации в России. Акаси обосновался сначала в Стокгольме, где вошел в контакт с одним из лидеров Партии активного сопротивления Финляндии Конни Циллиаксом (1855–1924), ставшим для него основным звеном связи с российскими революционными организациями. Именно через него Акаси сумел наладить контакты с польскими революционерами – членом Тайного совета «Лиги народной» Романом Дмовским (1864–1939) и лидером правого крыла Польской социалистической партии Юзефом Пилсудским (1867–1935)²².

Акаси не оставил без внимания и один из главных международных революционных центров Парижа, где находились, например, руководство Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров во главе с горным инженером Георгием Деканози (1863–1938) и штаб-квартира армянской партии «Дашнакцутюн» во главе с Иваном Лорисом-Меликовым. Именно в Париже в конце сентября – начале октября 1904 г. состоялся первый представительный съезд российских антиправительственных сил, на котором присутствовали и либералы, и социалисты-революционеры, и националисты. Парижское совещание вынесло резолюцию об «уничтожении самодержавия», о создании «свободного демократического строя на основе всеобщей подачи голосов» и требовало признания «национальной автономии». Его участники признали «полезным» для «освобождения» России ее поражение в войне с Японией и призвали всячески способствовать этому. Участники совещания решили создать в России и за границей комитеты по подготовке революции. Во главе заграничного комитета был поставлен Циллиакс, в обязанности которого в том числе была включена работа по установлению связей с ведущими западными органами периодической печати.

Парижский съезд был организован на деньги японского правительства, щедро выделившего на эти цели 100 тыс. иен. Эта сумма была

выбита в результате совместных действий японских военных (Акаси и военные агенты в Париже и Лондоне) и дипломатов, сумевших убедить высшее командование в целесообразности данного шага. 23 октября подробнейший отчет Циллиакса о прошедшем совещании был переправлен в секретном порядке посланником Мотоно министру иностранных дел Комура. Можно предположить, что Мотоно выступал в качестве одного из главных теневого организаторов данного съезда²³.

В то же время Мотоно прилагал усилия по «обработке» общественного мнения Франции с целью нейтрализации русско-французского союза. Правительство Японии выделило немалые деньги для «подкормки» французской прессы, которые через Мотоно поступали в проправительственную газету «Le Temps», консервативную «Le Siècle», умеренную «Le Gil Blas», печатный орган французских социалистов «L'Action», журнал «Le Memorial Diplomatique» и некоторые другие издания. Так, первым двум печатным органам решено было ежемесячно выплачивать по 5500 франков, чтобы ослабить их критику в адрес Японии. Мотоно вполне успешно осуществил операцию по подкупу французских газет. Впрочем, если «L'Action» открыто выражала свои симпатии по отношению к Японии, то ведущие парижские газеты, такие, как «Le Temps», не могли открыто выходить за рамки очерченные русско-французским союзом. Организация прояпонской кампании во французской прессе требовала особенно осторожного и выверенного подхода²⁴. В этих условиях основные силы были направлены на ослабление финансовой составляющей русско-французского союза.

Еще летом 1904 г. Мотоно и его агенты обращали внимание руководства страны на финансовые затруднения противника, указывая на то, что Петербургу не обойтись без размещения внешних и внутренних займов в новом 1905 г. По их самым скромным подсчетам, за первые пять месяцев войны Россия вывезла из страны 120 млн. золотых рублей в качестве оплаты по кредитам и поставкам оружия. Совокупные военные расходы должны были составлять до 600 млн. рублей в год. Чтобы смягчить удар, нанесенный войной по финансам и экономике страны, правительство вынуждено было осуществить внутренний заем в размере 300 млн. рублей, однако этой суммы могло хватить в лучшем случае до конца 1904 г. *«В конечном счете, вопрос сохранения системы “золотого стандарта” сводится к проблеме, сможет ли Россия разместить за рубежом новые займы, необходимые для расчетов по военным заказам за границей»* – таков был вывод французского агента Мотоно²⁵.

²³ № 1183. 23 октября 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ, т. 37, кн. 2, с. 669–676.

²⁴ Мацумура Масаёси. Кохо гайко ни окэру нитиро но тосо (Японско-русская борьба методами «публичной дипломатии»). – Нитиро сэно но синситэн (Новый подход к изучению русско-японской войны). Токио, 2005, с. 190–192.

²⁵ № 1151. 30 июля 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура; № 1153. 2 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных

²² Об Акаси и его деятельности см.: Павлов Д. Б., Петров С. А. Японские деньги и русская революция. – Тайны русско-японской войны. М., 1993, с. 5–140; Вада Харуки. Никорай Рассэру. Коккё о коэру народоники (Николай Руссель. Народники за рубежом). Токио, 1973, т. 1, с. 241–273; Акаси Мотодзиро – сэйкай о юсабутта супай ва хаката но дандизму но нака кара умарэта (Акаси Мотодзиро – потрясший мир шпион родился из «дандизма» Хаката). – Хаката ни цуёку наро сиридзу (Серия «Давайте больше узнаем о Хаката»). Фукуока, май 1983 г.

В телеграмме на имя министра иностранных дел от 27 февраля 1905 г. Мотоно сообщал буквально следующее: «Я также придерживаюсь того мнения, что Россия не попросит нас о мире, пока не потерпит решительного поражения ее армия в Маньчжурии или не будет разгромлен ее новый флот, направляющийся в тихоокеанские воды. Россия будет предпринимать самые тщетные попытки, чтобы вернуть утраченные территории, до тех пор пока ее азиатская стратегия не потерпит полнейший крах. Единственными причинами, которые могут заставить российское правительство начать переговоры о мире, являются финансовые трудности либо внутренние беспорядки. С финансовой точки зрения, Россия, несмотря на ее действительные трудности, еще не нуждается в принудительной эмиссии бумажных денег и, следовательно, приходится признать, что она способна еще в течение долгого времени нести необходимые военные расходы. Кроме того, ее возможности иностранных займов еще полностью не исчерпаны. Однако в этой связи я получил из надежных источников информацию о том, что размещение нового российского займа размером в 1,5 млрд. франков, подписание которого намечено на апрель сего года, встретится с многочисленными трудностями. Ко мне неоднократно поступали предложения провести в прессе кампанию по дискредитации российских финансов, однако до сих пор я отказывался от них, считая, что время еще не пришло. Сейчас же я думаю, что наступил благоприятный момент, и веду переговоры по этому вопросу со сведущим в этом деле человеком... Что касается революционного движения, то кажется, что обстановка будет накаляться день ото дня»²⁶.

Деятельность Мотоно в немалой степени способствовала срыву русско-французских переговоров о размещении нового российского займа во Франции, предварительное соглашение о котором уже было достигнуто в Санкт-Петербурге²⁷. В выполнении этой задачи огромную помощь Мотоно оказал все тот же Финкельгаузен (он же Финкельштейн), устроивший весной 1905 г. на страницах своего издания мощную кампанию «за скорейший мир между Россией и Японией». Смысл данных публикаций сводился к тому, что финансовая помощь только продлит муки России и углубит ее кризисное состояние, и она в конечном счете не сможет расплатиться по счетам с французскими вкладчиками, что может привести к краху «третьей республики». Одна из статей, написанных

Финкельгаузеном под псевдонимом «сторонник русско-французского союза», была озаглавлена именно в этом духе – «Как спасти наши миллиарды». Вместе с тем «La Revue» выступил в качестве флагамена француско-японского сближения, помещая на своих страницах пропагандистские речи барона Суэмацу Кэнтё (1855–1920), находившегося в Европе с особой миссией²⁸.

«La Revue» был не одинок в своей направленности «на скорейший мир между Россией и Японией». Даже известная своей якобы пророссийской позицией «La Soleil» уже в ноябре 1904 г. писала об обоюдной вредоносности войны и перспективе русско-японского союза после ее окончания. Учитывая тот факт, что газета частично субсидировалась из российской казны, можно предположить, что тон ее публикаций отражал смену внутрисполитической обстановки в самой России: почувствовав, что трон заколебался перед лицом неудач и все нараставшего революционного движения. В конце первого года войны либералы заговорили о возможности мира с Японией²⁹.

По-видимому, именно во Франции окончательно сформировался международно-политический взгляд Мотоно, предполагавший опору на европейские пружины мировой политики. Уже на данном этапе Мотоно прекрасно усвоил принципы и условия ведения «закулисной» дипломатической работы, изучив при этом слабые стороны российской общественной организации. Во время русско-японской войны, используя свои связи, Мотоно сначала сыграл большую роль в «нейтрализации» русско-французского союза, а затем – в переориентации французского капитала с российского рынка на японский рынок.

Посланник Мотоно и вопрос иностранных займов

Как уже говорилось выше, еще до начала русско-японской войны во многом благодаря Мотоно установились тесные отношения между японскими экономическими кругами и французским банкиром Альбером Каном. Нет сомнения в том, что руководители Японии уделяли связям с ним столь большое значение, поскольку считали, что он может вывести их на более крупную «добычу»: через него открывался путь на капиталы Ротшильдов и связанных с ними финансовых кругов.

Во время русско-японской войны японское правительство четырежды размещало на Западе крупные займы на общую сумму около 800 млн.

²⁸ Russia of Today and Tomorrow. Noted Editor of *La Revue* Declares That Progress of Czar's Empire Has Been Impeded by German Influence, by Jean Finot. – The New York Times. 28.03.1915. См. также: *Мацумура Масаёси*. Ёロッパ ни окэру «кохо танто тайси» тоситэ но Суэмацу Кэнтё (Суэмацу Кэнтё в качестве «посла по общественной пропаганде» в Европе). – Нитиро сэно (И). Кокусайтэки бумьяку (Русско-японская война. Т. I. Международный аспект). Токио, 2004, с. 134–135.

²⁹ № 1192. 28 ноября 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ, т. 37, кн. 2, с. 687–691.

дел Комура; № 1165. 26 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ, т. 37, кн. 2, с. 585–586, 588–590, 600–627.

²⁶ № 57. 27 февраля 1905 г. Посланник Мотоно министру иностранных дел Комура. – Каккоку найсэй канкэй дзассан: Рококу но бу (Подборка документов по внутренней политике разных стран: Россия). Азиатский центр документации. Микрофильм. Т. 4, пленка № 1–1079, с. 275.

²⁷ Об истории с неудавшимся французским займом см.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919. М., 1992, т. 1, ч. 1, гл. VI.

иен (82 млн. фунтов стерлингов). Свой капитал Японии предоставили лондонские, нью-йоркские и гамбургские финансисты, объединившиеся вокруг «банкира короля Англии» Эрнеста Кассела (1852–1921) и главы американского банковского дома «Кун, Лейб энд Компани» Якова Шиффа (1847–1920). Английские Ротшильды отказались участвовать в займе в виду солидарности со своими парижскими родственниками, связанными формальным обязательством французского правительства перед Россией. Ротшильды объясняли свой отказ тем, что их участие могло бы усугубить положение их «единоверцев» в России. Обойденные таким образом своими конкурентами Ротшильды тем не менее не собирались отказываться от выгодного экономического сотрудничества с набиравшей силу «молодой восточной державой» и искали пути к «реваншу». Когда стало ясно, что Россия «задыхается» в своей колонизационной деятельности в Маньчжурии, финансовые круги Европы, до сих пор «спонсировавшие» российские «дальневосточные предприятия», поворачиваются в сторону Японии. Япония также была заинтересована в том, чтобы распределить иностранные займы между различными финансовыми группировками. На этой почве интересы японского правительства и Ротшильдов совпали. Зондаж японских правительственных кругов на предмет получения займа во Франции начался уже во время русско-японской войны³⁰.

Иными словами, японское руководство не только стремилось помешать размещению нового российского займа во Франции, но и само рассматривало возможность получения французского кредита. В конце 1904 г. Мотоно обсудил этот вопрос с влиятельными представителями финансовых кругов Франции, включая знакомого ему барона Ротшильда (1827–1905), однако положительного результата достичь не сумел. В январе 1905 г. он сообщил об этом министру финансов Сонэ Арасукэ (1849–1910), присовокупив к докладу мнение о том, что Японии необходимо приступить к непосредственным действиям, направленным на организацию послевоенных займов на французском рынке. Для этого Мотоно предлагал направить к нему в помощь специального человека, который при содействии прессы смог бы заняться установлением прочных контактов с нужными людьми, разъясняя последним ситуацию на японском рынке³¹.

Руководство Японии прислушалось к совету своего посланника в Париже. Сразу после подписания Портсмутского мирного договора в сентябре 1905 г. в Париж для ведения переговоров с французскими

финансистами прибыл особый представитель японского правительства Такахаси Корэкиё (1854–1936), занимавшийся во время войны размещением японских займов на зарубежном рынке. Вследствие этих переговоров, в ноябре 1905 г. французское правительство согласилось войти в международный синдикат для открытия Японии нового послевоенного кредита. На этот раз японский заем на общую сумму 25 млн. фунтов стерлингов был поделен между участниками прежнего банковского синдиката в лице британских, американских и германских банкиров, а также лондонской и парижской ветвями Ротшильдов. Основным подписчиком японского займа во Франции стал банк «Братья Ротшильды», ставший во главе парижского банковского объединения, принявшего к учету японские векселя на сумму 12 млн. фунтов стерлингов. Среди второстепенных подписчиков японского займа было имя и упоминавшегося выше Альбера Кана, одного из самых приближенных лиц к японскому политическому эстеблишменту³².

В январе 1906 г. Мотоно был назначен посланником в Петербург, однако это не означало, что его прежние связи с парижскими финансовыми кругами прервались. Вероятно, в его жизни и мироощущении также почти ничего не изменилось: не только на Россию, но и на весь мир он смотрел уже сформировавшимися «французскими» глазами. Собственно России, выходящей за рамки балов, банкетов и роскошных петербургских салонов, места в этой картине мира, пожалуй, почти не оставалось.

Главная внешняя задача, которая стояла перед новым японским посланником в России, состояла в том, чтобы сгладить существующие острые противоречия между двумя странами и обезопасить тем самым будущее развитие Японии от возможных потрясений. Вместе с тем нормализация отношений с бывшим противником означала – и это было не менее важно для Токио – открытие дверей во Францию, связанную обязательствами русско-французского союза. Впрочем, в этом вопросе Япония могла рассчитывать на полное содействие крупного финансового капитала Франции, стремившегося занять подобающее ему место на японском рынке и фактически подталкивавшего Японию к заключению с Россией «соглашения о дружбе». В снятии русско-японских противоречий была заинтересована и Англия, стремившаяся направить «русский таран» на Запад против Германии. Именно поэтому летом 1907 г. в крайне короткие сроки произошла не только нормализация русско-японских отношений (первая политическая конвенция от 17/30 июля), но и

³⁰ Adler C. Jacob Schiff: His Life and Letters, New York, 1929, vol. 1, p.212–230; Байсэй С. Дж. Нихон кэйдзай то гайкоку сихон. 1858–1939 (Японская экономика и иностранный капитал, 1858–1939). Тосуй-сёбо, 2005, с. 111–114.

³¹ № 976. 05 января 1905 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ. Токио, 1959, т. 38, кн. 2, с. 468–48.

³² Такахаси Корэкиё-дзидэн (Автобиография Такахаси Корэкиё). Токио, 1936, с. 758–793; Smethurst R. Takahashi Korekiyo, the Rothchilds and the Russo-Japanese War, 1904–1907. – The Rothschild Archive: Review of the Year, April 2005 to March 2006, p. 22–23 (www.rothschildarchive.org); Байсэй С. Дж. Нихон кэйдзай то гайкоку сихон. 1858–1939, с. 114; Albert Kahn, 1860–1940, p. 124, 127–128.

заклучение соответствующих соглашений между Францией и Японией (10 июня), Англией и Россией (31 августа). В международной политике все эти соглашения представляли собой звенья одной цепи. На деле это означало, что сначала от России была отколота Франция; затем последовало вынужденное для России сближение с Японией; и уже после всего этого «туманный Альбион» решил «зафиксировать» существующее соотношение сил в мировой политике путем соглашения с Россией, тем самым, прикрепив ее к существующей комбинации держав и интересов.

Следует обратить внимание, что дипломатическая перестройка 1907 г. была осуществлена правительством Сайондзи, представившим, прежде всего, интересы крупного ориентированного на Запад финансового капитала. Министром иностранных дел тогда был бывший посланник Японии в Лондоне виконт Хаяси. С точки зрения Японии, осуществленный дипломатический прорыв состоял не столько в восстановлении русско-японских, сколько японо-французских отношений. Что касается финансовой стороны дела, то за этими соглашениями скрывалась переориентация японской экономики с капиталов Кассела и Шиффа на финансы Ротшильдов. В марте того же года Японии был предоставлен новый кредит в размере в 23 млн. фунтов стерлингов, поделенный пополам между парижской и лондонской ветвями влиятельного семейства. Хотя, с точки зрения политической механики, ничего необычного и сверхъестественного в образовании новых отношений между мировыми державами не было, в Японии заслуги Мотоно тотчас же были отмечены: уже в сентябре 1907 г. он получил орден Восходящего Солнца первой степени и был возведен в ранг потомственной аристократии с присвоением титула барона³³.

Таким образом, после русско-японской войны происходит стремительное углубление японско-французских экономических отношений, и здесь немаловажную роль сыграл посол в России Мотоно, сумевший установить во Франции тесные отношения с представителями крупного финансового капитала, прежде всего с Альбером Каном. 19 декабря 1908 г., когда посол Мотоно пребывал на отдыхе в Японии, банкир сам прибыл на пароходе в Иокогаму. Японские политики, промышленники и банкиры оказали европейскому гостю самый радушный прием, приветствуя как своего давнего знакомого и «верного друга Японии». Среди тех, кто ждал приезда французского капиталиста, были граф Окума и барон Сибусава, связанные с ними промышленники Окура Магобэй (1843–1921) и Моримура Сазмон (1839–1919), директор Банка Японии Мацуо Сигэёси (1843–1916) и руководство компании «Мицуи». Окума

рассыпался в реверансах по отношению к французскому гостю, сравнивая жизненную философию Кана с этическим кодексом самурая бусидо; находившаяся под контролем графа газета «Хоти» помещала на своих страницах хвалебные статьи в адрес французского банкира. По случаю приезда Кана в Японию ему от имени японского императора были вручены три золотые чаши³⁴.

Одной из главных целей визита Кана в Японию были переговоры с компанией «Мицуи», стремительно осваивающей для себя в новой международно-политической обстановке французский рынок. Уже в 1908 г. «Мицуи» успешно разместила на французском рынке заем от лица крупной хлопчатобумажной фабрики «Канэфути-босэки» (впоследствии известная под названием «Канэбо»). Что касается результатов поездки Кана, то они сказались в мае 1909 г., когда та же компания получила большой кредит под модернизацию инфраструктуры г. Киото (строительство второй линии водоканала от озера Бива и трамвайных путей) в размере 225 млн. франков (около 18 млн. фунтов стерлингов). Второй, точно такой же заем для Киото, предназначенный для строительства электростанции и водопровода, был выпущен в Париже через год. Этот контракт был подписан непосредственно Каном, компанией «Мицуи» и муниципалитетом города. На этот раз Кан выступил в качестве центральнообразующей фигуры нового банковского синдиката и стал одним из главных участников указанных сделок, заработав на них 2,25 млн. франков³⁵.

В отношениях Европы и Японии Кан играл почти такую же роль, что и заокеанский финансист Яков Шифф в японо-американских отношениях. Одним из средств распространения влияния Кана служил созданный им еще в 1905 г. международный фонд (известный под названием «Фонд Кана»), который занимался среди всего прочего и организацией годичных кругосветных путешествий для ученых и исследователей. Уже с 1907 г. фонд стал предоставлять гранты японским ученым, благодаря чему возник важный канал французско-японского международного сообщения. Японское отделение Фонда, официально созданное в марте 1913 г., возглавил член Тайного совета виконт Суэмацу, а граф Окума и барон Сибусава вошли в число его постоянных членов³⁶.

Благодаря каналу связи между японской элитой и европейским капиталом, проторенному в конце XIX в. и поддерживаемому на протяжении

³⁴ Albert Kahn, 1860–1940, p. 25–29; Albert Kahn et le Japon, p. 3, 15; Хигасибана Синдзин. Хэнсиюсицу ёри (От редакции). – Иомиури симбун. 24.01.1909, с. 2; Окума Сигэнобу хатидзюго нэнси (85-летняя история жизни Окума Сигэнобу), с. 526–528.

³⁵ Байсуэй С. Дж. Нихон кэйдайэй то гайкоку сихон, с. 115; Albert Kahn, 1860–1940, p. 126.

³⁶ Мотоно Мориюки. Ч. 17. – Гайко форум (Дипломатический форум), 1994, сентябрь, с. 88–95; Albert Kahn, 1860–1940, p. 151–156; Сибусава Эйити дэнки сирё (Биографические материалы Сибусава Эйити). Токио, 1961, т. 36, с. 160–162.

³³ Нитифуцу кёяку юрай (Предыстория японско-французского соглашения). – Иомиури симбун. 08.05.1907, с. 2; Smethurst R., Takahashi Korekiyo, the Rothchilds and the Russo-Japanese War, 1904–1907. – The Rothschild Archive: Review of the year. April 2005 to March 2006, p. 24–25.

последующих двух десятилетий во многом благодаря активной дипломатической деятельности Мотоно, Япония до конца 30-х годов XX в. умело «держалась на плаву», сохраняя достаточно прочное место в так называемой Версальской системе международных отношений, одним из важнейших факторов которой стала созданная при активном участии европейских финансистов Лига Наций. Более того, инерционное влияние тех влиятельных связей, которые установил во Франции Мотоно Итиро, сохраняется и по сей день: японский сад в Булонь-Биланкур и поместье Кана в Кап-Мартане до сих пор является излюбленным местом посещения японских дипломатов³⁷.

Как показывают документы, Мотоно Итиро был типичным «салонным» дипломатом того времени. Он увлекался всем, чем увлекались «сливки общества» той эпохи: играл в теннис, катался на коньках, увлекался охотой и рыбалкой, интересовался изобразительным искусством и сам недурно рисовал акварелью, занимался фотографией, проводил вечера за игрой в «бридж», называя себя «сильнейшим игроком к востоку от Суэца». Именно этот мир «высокой моды» и «просвещения» был для Мотоно сферой дипломатической деятельности. Главным козырем в его дипломатической работе было то, что он прекрасно разбирался в пружинах западноевропейской политики и ему была хорошо понятна логика мышления мировой элиты. В этом смысле, Мотоно был не только знатоком, но и проводником западного влияния как в Японии, так и в России. Органическое «включение» Японии в мир европейской политики было, пожалуй, для Мотоно одной из главных целей его деятельности³⁸.

³⁷ См.: *Мотоно Моршоки*. Нихон гайко Сити. Ч. 17. – Гайко форуму (Дипломатический форум), сентябрь 1994, с.88–95.

³⁸ Там же, ч. 19. – Гайко форуму (Дипломатический форум), ноябрь 1994 г., с. 82–84; Сайсин-сики но сясин-дзюцу: Мотоно тюрю тайси но какуси-гэй (Новейшее фотографическое искусство: скрытое мастерство посла в России Мотоно). – Иомиури симбун, 27.09. 1908, с. 3; Мотоно тайси то Ито-си но дзюрё-дан (Беседа посла Мотоно и виконта Ито о ружейной охоте). – Иомиури симбун, 06.10. 1908, с. 4.

Политика Японии в отношении стран Северо-Восточной Азии*

Симотомаи Нобуо

Считаю для себя честью иметь возможность выступить с лекцией в известном во всем мире Московском государственном институте международных отношений и приношу свою благодарность организаторам и всем присутствующим. Я – профессор университета Хосэй. Меня зовут Симотомаи Нобуо.

Моя лекция посвящена очень важной теме – политике Японии в отношении стран Северо-Восточной Азии. Эту сложную проблему можно понять лишь в контексте процесса грандиозных исторических перемен.

Мировой финансовый кризис, формирование администрации президента Обама, успехи и трудности «шестерки» (шестисторонние переговоры по ядерной проблеме КНДР. – Ред.), болезнь Ким Чен Ира, образование правительства Асо Таро и быстрое падение его популярности повлекли за собой волну событий. Речь идет о том, в какую сторону от однополярности движется мир, в частности, что происходит в Северо-Восточной Азии. Все это представляет собой большую проблему, которую следовало бы назвать проблемой, чреватой многими последствиями. Такое непростое время следует рассматривать с точки зрения исторического прошлого, чтобы лучше понимать современные проблемы. Для начала посмотрим на карту Японии и рассмотрим положение дел в течение длинного периода в 1000 лет не столько с геополитической, сколько с геокультурологической точки зрения. К вопросу о взаимоотношениях США и России – стран, имеющих большое влияние в рассматриваемом регионе, я вернусь позже. Рядом с Японией находится Корейский полуостров, отделенный от нее Корейским проливом, который гораздо шире Ламанша между Англией и Францией, и штормит там чаще, но эти две страны (Япония и Корея) довольно тесно связаны между собой. В процессе исторического хода событий в Японию через Корейский полуостров пришли различные системы, понятия, обычаи. Именно благодаря Корее Япония познакомилась с множеством понятий, практик и учений, вплоть до иероглифов и буддизма, конфуцианства и пороха, гончарного дела. Утверждение о том, что Япония мононациональная страна, усилилось после того, как началась война. В действительности же с Корейского полуострова множество корейцев неоднократно пере-

* Лекция профессора университета Хосэй Симотомаи Нобуо, прочитанная 18 декабря 2008 г. в МГИМО (У) МИД РФ.